

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

DOI 10.15826/tetm.2021.1.001

УДК 82-94:159.953 + 130.2 + 81'373.46

Андрей Геннадиевич Иванов

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (Липецкий филиал), Липецк, Россия*

E-mail: agivanov2@yandex.ru

Темпоральное измерение «работы над мифом»: отложенная ответственность

В статье рассматриваются особенности развертывания во времени «работы над мифом» (термин, предложенный Х. Блюменбергом). Демонстрируются случаи из практики политических отношений, когда на субъект международного права возлагается ответственность за события спустя длительный период времени. Отмечается, что распространяющиеся на каузальные связи специфические темпоральные характеристики представляются производными в режиме «работы над мифом». Делается вывод, что феномен так называемой отложенной ответственности оказывается дополнительным инструментом манипулятивного воздействия на массовое сознание.

Ключевые слова: миф, «работа над мифом», ответственность, темпоральность, «глобальный миф», мифологема

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00297 «Мифологизация времени в современной медийной среде: риски трансформации, стратегии конструирования, дискурсивные практики».

Для цитирования: Иванов А. Г. Темпоральное измерение «работы над мифом»: отложенная ответственность // Tempus et Memoria. 2021. Т. 2. № 1. С. 6–11.

Поступила в редакцию: 15.03.2021

Принята к печати: 30.03.2021

Andrey G. Ivanov

*Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
under the President of the Russian Federation, Lipetsk, Russia*

The Temporal Dimension of «Work on Myth»: Deferred Responsibility

The article deals with the features of “work on myth” (a term proposed by H. Blumenberg) unfolding in time. The article demonstrates cases from the practice of political relations, when the subject of international law is held responsible for events after a long period of time. It is noted that specific temporal characteristics that extend to causal connections are presented as derivatives in the mode of “work on myth”. It is concluded that the phenomenon of so-called deferred responsibility is an additional tool for manipulative influence on the mass consciousness.

Key words: myth, “work on myth”, responsibility, temporality, “global myth”, mythologem

For citation: Ivanov, A. G. (2021). Temporal’noe izmerenie “raboty nad mifom”: otlozhennaya otvetstvennost’ [The Temporal Dimension of “Work on Myth”: Deferred Responsibility]. *Tempus et Memoria*, 2, 1, 6–11.

Submitted: 15.03.2021

Accepted: 30.03.2021

Историй всего четыре. И сколько бы времени нам ни осталось, мы будем пересказывать их — в том или ином виде.

Х. Л. Борхес. Четыре цикла

Понятие «работа над мифом» получило распространение с выходом одноименной работы Х. Блюменберга [Blumenberg], в которой было отмечено, что специфика работы над мифом и самого мифа во многом определяется отношением между его рассказчиками и слушателями; тем, какое значение имеет миф для отдельного человека в определенных обстоятельствах. То есть работа над мифом есть процесс постоянного рассказывания-знакомства (получения) и пересказывания мифа. В результате мы имеем дело с совокупностью таких рассказов-пересказов нарративов, разворачивающихся вокруг какой-либо фигуры, ситуации, процесса, обладающих значимостью для конкретного человека, группы здесь и сейчас.

Когда мы используем термин «работа над мифом», речь, конечно, может идти и о религиозном, и о классическом мифе, но, как правило, имеется в виду социальный, например политический, миф. Дело в том, что результаты такой работы будут разными: в первом случае утверждается незыблемость порядка

и возникают «закрытые» (завершенные) мифы (closed myths), во втором — подчеркивается постоянно меняющееся положение вещей, зависящее от текущей социальной и политической ситуации, от исторического бэкграунда, от того, какое значение имеет определенный миф или мифологема для человека и общества в данный момент. Такого рода отличия были выделены антропологом Ю. Е. Березкиным, когда он сравнивал фольклор и мифологию: «Фольклор состоит из текстов, которые истолкования не требуют, переводимы на любой язык и могут изучаться в отрыве от породившей их культурной среды (“этнический” подход). Текст может восприниматься буквально, как рассказ именно о тех событиях, о которых в нем идет речь. Если же он служит знаком или метафорой чего-то другого, он превращается в миф. Мифология требует понимания, истолкования, возможных лишь в контексте определенной культуры и предполагающих хорошее владение соответствующим языком (“эмный” подход). Один и тот же текст может служить основой различных мифов в зависимости от того, кто его интерпретирует. Смысл, ценность и эмоциональность в мифологические тексты вносят слушатели и рассказчики. Исследователь, пытающийся реконструировать процесс осмысления мифа в отсутствие полноценного контакта

с носителями традиции, берется за невыполнимую задачу» [Березкин, 170].

Дело в том, что мифы не функционируют в вакууме, и концепт работы над мифом Х. Блюменберга предполагает следующее: каждый вариант мифа, так же как и каждая отдельная мифологема, работает на руинах ранее существовавших конструкций. То есть существовавший ранее материал затем используется для новых потребностей и преобразуется таким образом, чтобы придать значимость новым обстоятельствам посредством процесса, который Х. Блюменберг назвал «реокупация» [Bottici, 127].

В процессе превращения нарратива в миф показательно то, как осуществляется трансформация модусов времени: «Повествование о событиях не просто предполагает временную последовательность того, что происходит, но и конфигурационное измерение или сюжет, в котором из разрозненных событий выстраивается значительное целое» [Ibid., 179]. При этом сюжет может охватывать абсолютно любое по продолжительности время, длиться сколь угодно долго; главное, чтобы, так сказать, картинка складывалась.

На наш взгляд, дело в том, что «...в особой мифологической темпоральности формируется непротиворечивая картина мира и что мифологические события структурируют человеческое восприятие. Мифологизация и миф упрощают реальность, одним из элементов которой и оказывается этот самый временной гештальт или “остров”. И чем больше в памяти будет таких мифологизированных эпизодов, которые, как строительный материал, будут позволять конструировать прошлое, тем легче можно будет управлять не только прошлым, но и планировать будущее» [Иванов, 85].

Мифы не только репрезентируют, но и объясняют коллективное прошлое, настоящее и будущее. Они указывают на возможные причины неудач сообщества, определяют его героев и предателей, его спасителей и врагов [Малинова, 17]. Мифы могут служить средством отрицания ответственности за неблагоприятное прошлое, перекладывая таковую на внешних врагов. Мифы формируют «моральный универсум смыслов» [Overling, 12] и определяют в массовом сознании приемлемые и неприемлемые вещи.

В действительности мы имеем дело с повторяющимся репертуаром сюжетов, построенным на восходящем к архаике материале (например, о борьбе между двумя противоположностями типа «мы — они», «свой — чужой» и т. п.). Таких сюжетов немного, они, по нашему мнению, связаны с так называемыми «глобальными» мифами, среди которых миф о герое, о жертве, о враге, о вечном возвращении и т. п. (встречается у Дж. Кэмпбелла (мономиф) [Кэмпбелл], Х. Л. Борхеса (четыре цикла) [Борхес]). Об этом пишет С. А. Шомова, когда приводит примеры «блуждающих» сюжетов и образов политического бессознательного [Шомова, 13–54]. Работа над такими мифами разная, вариативная. Особенность «глобальных» мифов состоит в том, что в них органично сочетаются два уровня современных социальных мифов — «архаический» (содержит устойчивые образы, генерируемые коллективно, мифологемы) и «конъюнктурный» (результаты мифотворческой деятельности, идеологемы). Иногда «глобальный» миф сложно усмотреть, но многое зависит от ракурса и подходящего момента. Говоря словами Р. Барта [Барт, 277], неясно, смогут ли мифы проникнуть в большую прессу, в загородные особняки рантье, в парикмахерские салоны, в метро. Так, бывают времена, когда миф, скажем так, отсиживается в засаде, ждет своего часа, чтобы быть уместным, соответствующим конъюнктуре.

Также существуют производные, частные мифы или мифы, формирующиеся в зависимости от текущей конъюнктуры. Специфика их в том, что они всегда связаны с «глобальными» мифами в той или иной степени, например, «мы — они» — «глобальный миф», а «Россия как враг» или «миф о российской угрозе» — производные. То есть происходит постоянная реокупация глобальных мифов, в результате чего возникают разные модификации известных сюжетов, наполненные новой конъюнктурой, актуальными обстоятельствами. Так, считается, что на стыке XX и XXI вв. «Запад перезапустил старый миф о советской угрозе, заменив разве что слово “советская” на слово “российская”» [Андреев, 95]. Такие производные мифы можно считать мифологемами, учитывая, что под мифологемами мы понимаем структурную единицу мифа (например, миф

о герое содержит мифологемы путешествия героя, борьбы героя и т. п.).

Рассмотрим случай со взрывами складов боеприпасов в чешском местечке Врбетице. Сразу бросаются в глаза два обстоятельства, связанные со временем: взрывы произошли 16 октября и 3 декабря 2014 г., а широкий общественный резонанс вокруг них возник в апреле 2021 г., то есть спустя примерно шесть с половиной лет. Весной 2021 г. руководство Чехии в лице премьер-министра заявило, что следствие (длящееся несколько лет) склоняется только к одной версии причин взрывов — диверсионной деятельности российских спецслужб [Премьер Чехии...], а орган законодательной власти Чешской Республики и вовсе счел взрывы актом государственного терроризма [Сенат Чехии...].

На наш взгляд, здесь следует говорить о работе над глобальным мифом «мы — они», внутри которого была задействована мифологема «Россия как враг», усилившаяся благодаря таким факторам, как близость во времени (*proximity in time*) и потакание определенным политическим интересам и общественным настроениям. Влияние данной мифологемы возросло, в частности, благодаря близости по времени к другим событиям — вооруженному конфликту на юго-востоке Украины. В обоих случаях речь идет о 2014 году. Кроме того, способствовала усилению мифологемы «Россия как враг» развивающаяся в последние годы конфронтация между Российской Федерацией, с одной стороны, и странами Запада и объединениями государств (Евросоюз) — с другой, что поддерживалось многими СМИ — как западными, так и российскими.

Но для того чтобы современный социальный миф (пусть и в виде отдельной мифологемы) заработал в полную силу, необходимо также наличие в нем рациональных составляющих, как бы намекающих на реальность происходящего. То есть совсем необязательно, чтобы современные мифы полностью базировались, например, на идее вечного возвращения, на сакральных компонентах. Добавление исторических фактов в работу мифа только усиливает его, делает в том числе и относящимся к профанному миру повседневности, к порядку рационального. В качестве таковых рациональных компонентов процесса работы

над мифом в рассматриваемом нами случае выступили действия органов власти Чехии — работа следствия, то есть добавилось нормативно-правовое измерение.

Также взрывы складов боеприпасов во Врбетице следует рассматривать в качестве особенного этапа работы над мифом в формате мифологемы «Россия как враг», такого этапа, где присутствует «отложенная ответственность». Отложенная ответственность — это своеобразная продуманная модификация работающего мифа или мифологемы. Причем такая модификация — дело рук так называемых мифотворцев, которые акцентируют свое внимание на целях мифа и степени его принятия публикой.

Если раньше — сбитый «Боинг» (17 июля 2014 г.), отравление Скрипалей (4 марта 2018 г.) — мгновенно или сразу назначали «ответственных» (но это не давало нужного эффекта, так как вышеуказанным компонентам работы над мифом, скажем так, недоставало рациональности). События же во Врбетице продемонстрировали следующее: с одной стороны, апеллирование к нормативно-правовой стороне (то есть к рациональным составляющим), с другой — ко времени в специфическом виде (имеются в виду разрывы во времени, продолжительность которых не так важна, как возможность связать события в рамках работающего мифа).

Исследователи ответственности [Философия ответственности, 86–89] выделяют два ключевых аспекта феномена — каузальный и аксиологический. Первый связан с причинно-следственными отношениями, второй — с оценкой этих отношений. Каузальные отношения, в свою очередь, изучаются в следующих разновидностях: «событие — событие», «агент — событие» и два типа отношения «способность агента — событие» (первый тип — способность агента в строгом смысле, то есть совокупность его компетенций; второй тип — способность агента в нестрогом смысле, то есть компетенции плюс осознание агентом общей ситуации его деятельности).

Учитывая отмеченное представление об ответственности, легко увидеть в действиях агента в лице Запада именно второй тип отношений — «способность агента — событие». То есть агент полностью осознавал, как каузальные

и темпоральные измерения работы над мифом могут его усилить. Заметим, что агент и есть в нашем случае не кто иной, как мифотворец.

Здесь следует сделать ряд пояснений. Дело в том, что в традиционных обществах для того, чтобы миф заработал, действия так называемых партиципационных факторов было достаточно: закон «Все взаимосвязано со всем» функционировал безотказно, им объясняли все совпадения во времени. То, что произошло после, расценивалось как то, что произошло вследствие, то есть предшествующее событие оказывалось причиной. Эта работа мифа используется и сегодня. Но в настоящее время для усиления действенности «глобального мифа» нужно только выбрать из исторического времени какое-нибудь подходящее событие и,

так сказать, включить его в этот миф, что-нибудь добавив (например, некий «налет» рациональности). То есть темпоральные характеристики представляются производными в режиме работы над мифом.

Таким образом, для пущей эффективности мифы должны постоянно меняться, точнее, насыщаться текущей конъюнктурой и параллельно дополняться новыми рациональными составляющими, например, правовыми. При этом миф невозможно ни нейтрализовать, ни преодолеть, но существует пульсирующий во времени цикл мифа. Феномен же так называемой отложенной ответственности оказывается в данном случае дополнительным инструментом манипулятивного воздействия на массовое сознание.

Список литературы

- Андреев Д. На информационном фронте без перемен: невыученные уроки холодной войны // «Запад как враг»: реанимация исторического мифа или новая реальность?: материалы семинара 22 октября 2014 г. / под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова. М. : АИРО-XXI, 2014. С. 89–106.
- Барт Р. Мифологии : пер. с фр. М. : Издательство им. Сабашниковых, 2004.
- Березкин Ю. Е. Мифы заселяют Америку: Ареальное распределение фольклорных мотивов и ранние миграции в Новый Свет. М. : ОГИ, 2007.
- Борхес Х. Л. Четыре цикла // Собр. соч. : в 4 т. Т. 3 : Произведения 1970-х годов : пер. с исп. СПб. : Амфора, 2005. С. 126–127.
- Иванов А. Г. Мифологизация времени: теоретические основания и современная специфика // Вестн. Том. гос. ун-та. 2020. № 459. Окт. С. 80–87. DOI: 10.17223/15617793/459/9.
- Кэмпбелл Дж. Тысячеликий герой : пер. с англ. М. : Рефл-бук : АСТ ; Киев : Ваклер, 1997.
- Малинова О. Ю. Миф как категория символической политики // Символическая политика : сб. науч. тр. Вып. 3 : Политические функции мифов. М. : ИНИОН РАН, 2015. С. 5–24.
- Премьер Чехии заявил о единственной версии взрывов военных складов в 2014 году // Ведомости. 26 апреля 2021 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2021/04/26/867722-premer-chehii-zayavil-o-edinstvennoi-versii-vzrivov-voennih-skladov-v-2014-godu> (дата обращения: 27.05.2021).
- Сенат Чехии назвал взрыв во Врбетицах актом государственного терроризма со стороны России // Русский мониторинг. 21 апреля 2021 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://rusmonitor.com/senat-chehii-nazval-vzryv-vo-vrbeticzah-aktom-gosudarstvennogo-terrorizma-so-storony-rossii.html> (дата обращения: 27.05.2021).
- Философия ответственности / под ред. Е. Н. Лисанюк, В. Ю. Перова. СПб. : Наука, 2014.
- Шомова С. А. От мистерии до стрит-арта: Очерки об архетипах культуры в политической коммуникации. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2016.
- Blumenberg H. Work on Myth. Cambridge, MA : MIT Press, 1985.
- Bottici C. A Philosophy of Political Myth. Cambridge : Cambridge University Press, 2007.
- Overling J. The Role of Myth: An Anthropological Perspective, or «The Reality of the Reality Made-up» // Myths and Nationhood / ed. by G. Hosking, G. Schopflin. N. Y. : Routledge, 1997. P. 1–18.

References

- Andreev, D. (2014). Na informatsionnom fronte bez peremen: nevyuchennye uroki kholodnoy voyny [No Change on the Information Front: The Unlearned Lessons of the Cold War]. In K. Eimermacher, G. Bordyugov (eds.), «Zapad kak vrag»: reanimatsiya istoricheskogo mifa ili novaya real'nost'? Materialy Seminara 22 oktyabrya 2014 g., 89–106. Moscow: AIRO-XXI.
- Barthes, R. (2004). Mifologii [Mythologies]. Moscow: Izdatel'stvo imeni Sabashnikovykh.
- Beryozkin, Yu. E. (2007). Mify zaselyayut Ameriku; Areal'noe raspredelenie fol'klornykh motivov i rannye migratsii v Novyy Svet [Myths populate America: The Areal distribution of folklore motifs and early migrations to the New World]. Moscow: OGI.
- Blumenberg H. (1985). Work on Myth. Cambridge, MA: MIT Press.

- Borges, J. L. (2005). *Chetyre tsikla* [Four Stories]. In *Sobranie sochineniy: v 4 t. T. 3. Proizvedeniya 1970-kh godov*, 126–127. Saint Petersburg: Amphora.
- Bottici C. (2007). *A Philosophy of Political Myth*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Campbell, J. (1997). *Tsyachelikiy geroy* [The Hero with a Thousand Voices]. Moscow: Refl-buk, AST; Kyiv: Vakler.
- Ivanov, A. G. (2020). Mifologizatsiya vremeni: tepreticheskie osnovaniya i sovremennaya spetsifika [Time Mythologization: Theoretical Foundations and Contemporary Specifics]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 459, 80–87. DOI: 10.17223/15617793/459/9.
- Lisanyuk, E. N., Perov, V. Yu. (eds.) (2014). *Filosofiya otvetstvennosti* [Philosophy of Responsibility]. Saint Petersburg: Nauka.
- Malinova, O. Yu. (2015). Mif kak kategoriya simvolicheskoy politiki [Myth as a Category of Symbolic Politics]. In Malinova O. Yu. (ed.), *Simvolicheskaya politika: sbornik nauchnykh trudov. Vyp. 3: Politicheskie funktsii mifov*, 5–24. Moscow: INION RAN.
- Overling J. (1997). The Role of Myth: An Anthropological Perspective, or “The Reality of the Reality Made-up”. In G. Hosking, G. Schopflin (eds.), *Myths and Nationhood*, 1–18. N. Y.: Routledge.
- Prem'er Chekhii zayavil o edinstvennoy versii vzryvov voennykh skladov v 2014 godu [The Prime Minister of the Czech Republic Announced the Only Version of the Explosions of Military Warehouses in 2014]. *Vedomosti*, 26.04.2021. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2021/04/26/867722-premer-chehii-zayavil-o-edinstvennoi-versii-vzryvov-voennih-skladov-v-2014-godu> (mode of access: 27.05.2021).
- Senat Chekhii nazval vzryv vo Vrbetitsakh aktom gosudarstvennogo terrorizma so storony Rossii [The Czech Senate Called the Explosion in Vrbetici an Act of State Terrorism on the Part of Russia]. *Russkiy Monitor*, 21.04.2021. URL: <https://rusmonitor.com/senat-chehii-nazval-vzryv-vo-vrbeticzah-aktom-gosudarstvennogo-terrorizma-so-storony-rossii.html> (mode of access: 27.05.2021).
- Shomova, S. A. (2016). *Ot misterii do strit-art. Ocherki ob arkhetipakh v politicheskoy kommunikatsii* [From Mystery to Street Art. Essays on the Archetypes of Culture in Political Communication]. Moscow: HSE Publishing House.

Сведения об авторе

Иванов Андрей Геннадиевич, доктор философских наук, профессор кафедры государственной, муниципальной службы и менеджмента Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Липецкий филиал), Липецк, Российская Федерация

Information about the author

Andrey G. Ivanov, Doct. Philos. (Eng.), Professor, Russian Presidential Academy of Nation Economy and Public Administration, Lipetsk Branch, Lipetsk, Russian Federation